

- языковых единиц и его аппликативный потенциал. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. – С. 185-188.
6. Лушникова, Г.И. Амбивалентность интертекстуальных значений в поэтическом дискурсе / Г.И. Лушникова, Л.Н. Синельникова // Дискурс-Пи, Екатеринбург, 2017. № 2 (27). С. 58-67.
7. Петрова, Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.В. Петрова. – Волгоград, 2005. – 31 с.
8. Сергодеев, И.В. Интертекстуальность как генеральный смыслообразующий текстовый признак (на примере стихотворения Э. Дикинсон “Parting”) / И.В. Сергодеев // Филология и человек, Барнаул, 2019. № 3. С. 115-129.
9. Троицкая, А.Н. Интертекстуальный хронотоп готического романа (на материале англоязычных произведений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Троицкая. – СПб., 2008. – 18 с.
10. Чумак-Жунь, И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И.И. Чумак-Жунь. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 227 с.
11. Croft, A. Three Men on the Metro [Text] / A. Croft, P. Summers, W. N. Herbert. – Nottingham : Five Leaves Publications, 2009. – 121 p.

ПУТЬ МЫСЛИ–ЯЗЫКА–ТЕКСТА

THE PATH OF THOUGHT–LANGUAGE–TEXT

И. В. Морозов

I. V. Morozov

Белорусский государственный университет культуры и искусств
Минск, Беларусь

The Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk, Belarus

e-mail: ivm2010@rambler.ru

Проблема сущности и генезиса смысла, осмысления, понимания и интерпретации текстов объективно актуальна в реально информационную эпоху. Для исследования этих феноменов принципиально важно, что они имеют закономерный, универсальный, архетипический характер. Это обусловлено способностью человека различать и оценивать свои пространственно-временные и событийные позиции и ситуации, соединяя которые реально и гипотетически можно создать символическое представление о пути – мысли и текста.

Ключевые слова: смысл; язык; текст; место; путь.

The problem of the essence and genesis of meaning, comprehension, understanding and interpretation of texts is objectively relevant in the real information age. For the study of these phenomena, it is fundamentally important that they have a natural, universal, archetypal character. This is due to the ability of a person to distinguish and evaluate their space-time and event po-

sitions and situations, connecting which really and hypothetically one creates a symbolic representation of the path-thought and text.

Keywords: meaning; language; text; place; path.

Членораздельно, то есть внятно мы «говорим-слышим» именно потому, что онтологически укоренены в различении неких достаточно контрастных для этого семантических альтернатив. В этой связи должно предположить, что в этой биполярной среде-процессе таится «некое ядро, еще более глубинное образование, зародыш всех возможных Кодов, Код Кодов, Пра-Код, или лучше Пра-Система, которая, присутствуя во всякой семиотической манифестации, подтверждает существование некоего потаенного начала» [4, с. 10].

Для человека, как, впрочем, и для всего живого, таким проначальным актом искони есть ориентация в пространственно-временном континууме, нахождении-поведении себя в нем.

Всякая осознаваемая активность, а впоследствии закрепившаяся архетипическим «осадком коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг), и бессознательная активность не обходится без непрерывного вопрошания человека к собственному бытию-пребытию: где-и-когда? (в настоящем времени). Хотя об этом гносеологическом акте мы обыкновенно не задумываемся, как о дыхании, но не можем ничего делать-предпринимать без хоть какого-либо ответа на него. Только убежденность-вера, что полученные ответы адекватны, преисполняет эмоционально-духовной энергетикой все последующие действия. Для древнейшего человека, еще только самообретающего себя-в-мире это вообще было первым, сначала обыденным, повседневным, а затем и фетишизируемым, сакрализуемым событием. Благодаря этому непрерывно процессу находилась-обреталась своеобразная точка опоры в мире – «здесь-и-сейчас». Пункт отправления для следующего, судьбоносного вопрошания: куда-и-когда? (в будущем времени).

В опасении-надежде за свою жизнь и благополучие следующие усилия сознания человек направил на понимание: что там-и-потом? Поэтому особо пугало неопределенное и неведомое где-то-и-когда-то – стимул для первых предчувствий-гаданий, мистицизма-магии. Поэтому и началось почитание откуда-и-когда (в прошедшем времени), что могло надежно связывать-обосновывать это неведомое предстоящее. Поэтому, учитывая пространственно-временные ограниченности человека, так фантастично представлялось везде-и-всегда – почва для религиозного чувства и теистических представлений об Абсолюте. Наконец, поэтому же сложилось некое представление о нигде-и-никогда, давшее повод для зарождения философии и науки. Через него они перейдут к осмыслению почему-и-зачем, отыскивая-доказывая законы в причинно-

следственных связях и диалектики всяческих проис-хождений, попутно воспитывая в себе осмысленность, целеполагание, ответственность за свои действия-поступки.

Отсюда всяческий факт-событие предстает-осмысливается только в связи с его изменениями, в синергетике покоя-движения, статики-динамики, бытия-становления, состояния-прехождения.

Онтологическая, жизнотворческая насущность реализации этого понимания-опыта подвигла генезис всякого естественного языка, лингвистической картины мира, синхронно-диахронную коммуникацию-общение.

В лингвистике этот феномен нашел свое фундаментальное определение: «глубинная грамматика» (В. Гумбольдт), «априорная грамматика» (Э. Гуссерль). Поскольку это определение основано на универсальной бинарной оппозиции: существительное (фактическая наличность) – глагол (диалектическое действие). В любом смысловыражении ни один из этих членов не может находиться без реального или подразумеваемого присутствия другого члена.

Это также постулируется аналогичностью функциональных особенностей всех языков (Л. Витгенштейн). Подтверждается и лингвистической концепцией, где «атомарным предложениям» в действительности соответствуют «атомарные факты» – предметность, движение, состояние, отношение (Б. Рассел). На их основе выстраивается любое речевое выражение, которое всегда указывает на некое качество и его динамичные трансформации. По Аристотелю – на априорные двучлены: деятель и действие, вещи и связи между ними, объекты и их становление. В современной теории – на принципиальные гештальт-качества, одни из которых характеризуют структуру-строение, тектонику-состояние, а другие – динамику-ритм, способ движения-изменения, установления отношений между статическими структурами-состояниями.

Это может происходить пассивно – когда независимо от нас мы попадаем в информационный поток как перманентное изменение-разнообразие. Или активно – поворотом глаз, головы, туловища и, наконец, передвижением в пространстве-времени. И это притом, что оно как таковое осознается исключительно в качестве локомоции (лат. *locus* – место; положение + *mōtio* – движение), перемещения с одного места в другое.

Это искони обусловлено самобытностью нашего телесно-духовного существа, воспринимающего «главным образом места, объекты (в том числе и изолированные объекты), вещества, а также события, которые представляют собой изменения, происходящие с этими объектами».

Несмотря даже на то, что всякий объект-предмет также прикреплен к какому-нибудь месту. «Изолированный объект можно поместить рядом с другим объектом и сравнить их. Следовательно, манипулируя такими объектами, их можно группировать, классифицировать или сортировать. Группируя такие объекты, можно изменять их порядок, то есть перемешать» [2, с. 340].

Тем самым, как минимум, различать их как достаточно стабильно-самостоятельную субстанцию-сущность. С одной стороны, Место постоянно, с другой – оно изменяется. Оно неизменно всегда только в одном отношении – в своем расположении относительно других Мест: его нельзя передвинуть, как предмет, то есть нельзя изменить порядок смежности, в котором находятся места обитания-нахождения.

Все возрастающее обилие Мест в этом ареале-оюкумене разворачивало и диапазон возможностей попадания из Места в Место. Это стимулировало мысль как способность выбирать лучшие, оптимальные, соответствующие обстоятельствам возможности, что, в свою очередь, выразилось в предпочтениях траекторий и уверенности в принятом решении: этим Путем, туда-и-тогда. Фактически это стало истоком интеллектуальной деятельности, культуры в целом, поскольку от эффективности нахождения Путей к определенным Местам и обратно зависела плодотворность-развитие любого другого труда-деятельности.

Умение находить-знать наилучший Путь, верный, адекватный выход из меняющейся ситуации и есть онтологическая основа со-знания и феноменологическая почва для во-ображения, наделения образом-именем и всякого непосредственного места и того, как оно соединяется со всеми другими. Соответственно, и мы воспринимаем-мыслим ментальной локомоцией, пере-мещением внимания с одной определенности на другую, от одного со-стояния в другое. Гносеологическое усложнение подобного мировосприятия и привело к понятию «функция», пред-назначение-достижение некоего желаемого результата. Или метод-путь к решению некой насущной проблемы.

Так что всякий язык – не итог, не конечный результат, не самоцель, а Путь, указатель Пути – выразитель, духовная субстанция мысли. Достаточно ясной-внятной она становится только когда каждый языковой элемент-знак обрел связность и образовался во фразу – минимальную «порцию» мысли. «Только на уровне фразы язык что-то говорит, вне фразы он не говорит ни о чем» [2, с. 135].

Данная фразеологическая связность есть квант «живой» мысли, атомарный текст (лат. связь) – универсальный грамматический трех-член:

Существительное – Глагол – Существительное*

Закономерный, естественный лингвистический эквивалент столь же универсального житнетворческого трехчлена осуществляемой и воспринимаемой локомоции-Пути:

Место – Переход – Место*

В более широком смысле этот заверченный текст будет иметь следующую, теперь уже охватывающую все наше представление о мире и жизни форму.

Ситуация (состояние, факт) – Изменение (трансформация) – Ситуация (состояние, факт)*

Таким образом, исключительно в языке и языком человек может обнаружить себя человеком мыслящим и тем обретшим свободу от застылости в здесь-и-сейчас. Ибо он обладает даром-способностью творить-творить свой бытийственный путь сквозь тернии воспоминаний и сомнений к справедливости-правде, наслаждаясь заслуженной возможностью мыслить – интересоваться, мечтать, творить. А также ответственной потребностью поделиться и с самим собой, и с другими своими сокровенными предчувствиями, предположениями, разумениями относительно предстоящего. Поскольку «мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» [3, с. 52].

Таким гносеологическим и эмоциональным путем налаживаются пространственно-временные связи-тексты в межличностных, межэпохальных, межкультурных отношениях, преисполненных увлекательным погружением-взлетом мысли и чувства в сферу неведомого, небывалого, мистического. «Язык проникает как раз в те отдаленные бреши, которые мы сами телесно не можем заполнить. Таким образом, он служит для того, чтобы сделать наличным необыкновенное, отдаленное от нас» [3, с. 156].

Знаменательно, что «Путь» – универсальная мифологема практически для всех религиозных концепций.

И иудаизм с талмудическим предписанием всех буквально необходимых норм-ценностей иудея на жизненном пути его.

И китайское Дао (буквально – путь), истолкованное как истый, «путь человека», безначально-конечный Путь гармонизирующей борьбы-единства противоположностей.

И индуизм, во множестве своих богов-течений проповедующий подвижную систему жизненных целей-ориентиров на пути-жизни индуса.

И христианство с идеей Человека-Бога, преподносящего себя отождествлением пути-истины-жизни.

И ислам с его Шариатом (букв. правильный путь, образ действия), не оставляющий места сомнениям, каким Путем следовать правоверным.

Наконец, Бахаи, новейшая мировая религия, провозглашающая единство Бога и единство Пути к Нему через множество миров-уровней существования.

На подобных образах-символах зиждется и актуальная философия, концептуальное естествознание.

Весьма закономерно в этой связи, что, завершая свои рассуждения о личностном существе человека, К.Г. Юнг приходит к неожиданной для классической науки мысли: «Личность – это дао». Как некий неоткрытый путь в нас – нечто психически живое, подобное водному потоку, который неумолимо движется к своей пусть и не всегда очевидной цели. Посему Дао само по себе «означает совершенство, целостность, исполненное предназначение, начало и цель, а также полное осуществление смысла земного бытия, от рождения присущего вещам» [5, с. 185-208].

Это когда «субъект не задан изначально, но становится, не утверждает, а утверждается в разнообразии самотрансценденций и коммуникативных практик» [1, с. 95]. Когда мысль становится контекстной, а текст – открытым для пути понимания. Для исполнения человеком своего предназначения куда-нибудь идти-двигаться познавая-излагая свой Путь: «...Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти...». (Ф. Достоевский). Дабы его личностная история, была проторена как выбор-решение, как преступление-наказание, как подвиг-почет, как уныние-самоутверждение, как творчество-торжество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. Аршинов. – М., 1999. – 317с.
2. Рикер, П. Конфликт интерпретаций / П. Рикер. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
3. Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить / Орген Розеншток-Хюсси. – М.: Канон, 1997. – 288 с.
4. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М.: Петрополис, 1998. – 432 с.
5. Юнг, К.Г. Конфликты детской души. / Карл-Густав Юнг. – М.: Канон+Реабилитация. – 176 с.